

саками. Все ихъ войско побѣждало въ лѣсъ и на мосты, гдѣ произошла давка и смятеніе. Пруссаки потеряли не только всѣ взятыя у русскихъ орудія, но покинули и собственныхъ шестьдесятъ-пять. Фридрихъ II чуть самъ не попался въ плѣнъ и былъ одолженъ своимъ спасеніемъ ротмистру Притвицу, который, съ отрядомъ гусаръ, вступилъ въ бой съ русскою погонею, задержалъ ее и тѣмъ далъ время Фридриху II ускользнуть отъ опасности. Фридрихъ, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ вѣрившій въ свое торжество и разсылавшій курьеровъ съ вѣстью о побѣдѣ надъ русскими, пришелъ въ такую скорбь, что желалъ себѣ смерти. „Изъ сорока-восьми тысячъ воиновъ у меня осталось не болѣе трехъ тысячъ“, — писалъ онъ тогда Финкенштейну, своему министру въ Берлинѣ; — „все бѣжить; нѣтъ у меня власти остановить войско; пусть въ Берлинѣ думаютъ о своей безопасности. Послѣдствія битвы будутъ еще ужаснѣе самой битвы. Все потеряно. Я не переживу гибели моего отечества!“¹⁾ Въ Россіи, напротивъ, извѣстіе о побѣдѣ принесло великую радость и торжество. Въ церкви Зимняго дворца отправлялся благодарственный молебенъ, звонили въ колокола, палили изъ орудій. Салтыковъ произведенъ былъ въ фельдмаршалы, прочіе генералы повышены въ чинахъ и получили земли въ Лифляндіи; Марія-Терезія, съ своей стороны, прислала Салтыкову и другимъ русскимъ генераламъ подарки, состоявшіе въ дорогихъ вещахъ и червонцахъ. Русскимъ стоила эта побѣда 2.614 человекъ убитыми, 10.863 ранеными; непріятельскихъ тѣлъ похоронено на мѣстѣ битвы 7.627; взято въ плѣнъ 4.542; дезертировъ прусскихъ было 2.055; у Лаудона убито было 893 человека, ранено 1.398. Побѣдители взяли 28 знаменъ и 172 пушки.

Послѣ побѣды Салтыковъ нѣсколько времени не предпринималъ движеній ни впередъ, ни назадъ, ни въ сторону. Его недоувѣріе къ Дауну простиралось до того, что онъ говорилъ французскому агенту, бывшему въ русскомъ войскѣ: „австрійцы за тѣмъ призвали русское войско, чтобъ его сгубить. Дауну хочется, чтобъ русскіе дрались, а онъ съ своимъ войскомъ дѣлалъ бы только диверсіи“²⁾. Недоувѣріе между полководцами перешло на непріятныя отношенія и между ихъ правительствами: тогда изъ Петербурга посылались въ Вѣну жалобы на Кауница и на Дауна, а по Европѣ стало распространяться мнѣніе, что медлительность

¹⁾ Соловьевъ, т. XXIV стр. 264.—Herrmann, т. V. стр. 163—164. Записки Болотова, т. I стр. 911—923.—Schöffner. Geschichte des Siebenjährigen Krieges, т. I, 309—314.

²⁾ Stühr. „Forschungen“, т. II, стр. 258.